

ЖАНР НАДГРОБНОГО СЛОВА В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО

Жанр надгробного слова представлен в ораторской прозе архиепископа Могилевского и Белорусского Георгия (Конисского) одним известным на сегодняшний день произведением – «Словом при погребении графини Параскевы А. Солтыковой». По традиции церковной проповеди данному произведению Георгий предпосылает эпиграф из Священного Писания: «Аз есмь воскрешение и живот» [Иоанн. 11, 25], и само произведение становится не столько словом об умершей, сколько развернутым обоснованием христианской веры в бессмертие души и воскресение из мертвых. Целью слова Конисский называет облегчение «печали всех, скорбящих о разлучении» с умершей «бояриней» Параскевой. Он сравнивает проповедь с пластырем,

прикладываемым к ране, и при этом целительными средствами называет те доводы, которые приводит в пользу идеи воскресения умерших.

По своему обыкновению и в соответствии с притчевой традицией, активно используемой Георгием в проповеднической деятельности, рассуждения о неоспоримости воскресения он строит по принципу: от конкретного – к абстрактному. Первый довод берется им «из природы», т.е. из природы. Цитируя апостола Павла, Георгий рассуждает о гибели и прорастании зерна, только тогда дающего плоды, умножающегося в тридцать, шестьдесят и более раз, когда оно разлагается в земле и превращается в стебель, в колос, в новые зерна. Пастырь не сомневается в том, что если такая участь гибели и нового прорастания уготована обыкновенному зерну, то уж по отношению к человеку – венцу творения, созданному для славы Божией, – Господом непременно уготована не менее славная участь. Таким образом мысль о цикличности процессов в природе, смены пор года, взаимосвязи смерти и жизни организмов, наблюдаемой «во всяком круге летнем», становится для Конисского доводом в пользу цикличности плотского существования человека: от жизни – к смерти, разложению – и снова к жизни во плоти.

Вторым доводом уже морального характера выступает рассуждение о неминуемом Божественном воздаянии за добро и зло каждому человеку. Георгий говорит о двоякости человеческого рода и разделение на добрых и злых называет «генеральным разделением». Он выстраивает длинный ряд антитез: «одни благодетели, другие разорители, одни простодушные, другие коварные, одни целомудренно, другие прескверно живущие, одни Бога знающие, другие отрицающиеся Его» [1, с. 336]. Казалось бы, Конисский упрощает взгляд на нравственную природу человека и перспективы его спасения, метафизически проводит линию между добром и злом, праведниками и негодяями, но вскоре открывается, что он делает это намеренно, чтобы более очевидной сделать мысль о воздаянии. Диалектически оратор говорит о том, что в этой земной жизни праведность не всегда является залогом благополучия, а порочность далеко не всегда получает возмездие, напротив – праведники страдают и иногда до самой смерти не видят избавления от мук, а злые безбожники торжествуют, живут в богатстве, благоденствуют и умирают безо всякого зримого наказания.

Фактически Георгий осмысливает проблему теодицеи, он не ставит прямо вопрос о том, как Господь, всеблагий и всемогущий, допускает зло, а с уверенностью глубоко верующего христианина задает слушателям риторический вопрос: «И может ли существо Божие, премудрое и пресправедливое, такое негоднейшее на театре мира сего явление указать, чтоб добродетель оставлена была без награждения, беззаконие без наказания, чтоб чистый и скверный в одно зачтен был, чтоб благодетельная утроба и тиранство в

один попал(и) предел, чтоб боголюбец и ругатель имени Божия в одной цене пред Богом поставлены?» [1, с. 336]. Безусловно, человек, верующий в Бога, не может сомневаться в том, что добрые, равно как и злые, дела получают в конце концов справедливое (или милостивое) воздаяние от Творца. Поэтому ожидание «другого века», т.е. Второго пришествия в мир Христа, по мнению Георгия, носит несомненный и обоснованный характер, и воскресение мертвых таким образом является не возможным, а необходимым условием воздаяния.

Наконец, от размышлений о живой природе и нравственности человека Конисский поднимается на уровень богословского абстрагирования и делает ядром проповеди размышления о смысле прихода в мир Христа Спасителя. Его третий довод обращен к Откровению. Весь путь Сына Божьего к воплощению, страданию, смерти и воскресению Георгий вслед за апостолом Павлом изображает как начало пути спасения человечества, дорогу к такому же зримому воскресению после смерти. Христа он и называет «начатком умерших, первенцем и перворожденным из мертвых» [1, с. 337]. Мастерски развивая избранный вначале слова мотив притчи о зерне, Георгий цитирует из двенадцатой главы Евангелия от Иоанна, где Христос уподобляется пшеничному зерну, погибающему ради новой жизни, ради рождения новых зерен, коими являются христиане, последователи учения о спасении: «...Одни они зерна суть того же со Христом класса (колоса. – С.С.) и в ту же житницу небесную соблюдаемы, хотя еще ныне телесами своими и гниют...» [1, с. 338]. Таким образом идея Второго пришествия и Страшного суда реализуется в проповеди Георгия в образе конечной справедливости, окончательного торжества Сына Божия.

Поднимая сознание слушателей на уровень философской абстракции, Георгий никогда не заканчивает свою проповедь отвлеченной богословской патетикой. Он возвращает присутствующих к реальности, к современности, размышляет о том, каким образом постигнутые высокие христианские истины могут и должны быть реализованы в жизни присутствующих. Конкретным примером искреннего стремления к добру и спасению души в данном случае выступает фигура умершей графини Солтыковой. Когда Конисский свидетельствует о достоинствах лочившей, он отступает от традиций надгробной речи, не прослеживает ее жизненный путь и говорит о ней предельно общо: «Ты, ветвь будучи благочестиваго христианского корене, цвет юности твоя целомудрием украсила, ты чин супружества твоего верностью к супругу твоему и попечением о чадах, аки многоценнейшими бисерьми, обложила...» [Там же]. Слушатель, лично не знакомый с усопшей, из слова Георгия узнает лишь о том, что она благородного происхождения, что была замужем и имела детей. Даже по имени проповедник называет ее только два

раза. Индивидуализация в слове Конисского не просто ослаблена, а полностью отсутствует. Фактически перед нами не надгробное слово об умершем, а проповедь о воскресении мертвых, произносимая над гробом умершего человека.

Обращаясь к верующим, Конисский призывает оставить неверие в воскресение – грешникам, для которых это неверие выгодно и является удобным поводом, чтобы грешить безоглядно. Свою же паству архиепископ призывает быть истинными христианами и ожидать воскресения, как зёрна ожидают весны, чтобы пробудиться от сна и «проникнуть от земли, яко трава и ... яко пшеница» [1, с. 339]. Здесь образный мотив люди – зерна, воскресение – весна, суд – жниво (включается образ «серпов ангельских»), Царство Небесное – житница получает свое художественное завершение. Господь на Страшном суде воздает каждому по заслугам: добрые люди-зерна собираются в житницу, плевела – в иное место, подобающее всякому сору.

Завершающее каждую проповедь Георгия Конисского эмоционально окрашенное молитвенное обращение к Богу в надгробном слове предваряется развернутой риторической тирадой о Христе и христианах, в которой присутствует длинный ряд сравнений и олицетворений. Спаситель именуется царем, заботящимся о верных гражданах; воеводой, собирающим под своим предводительством воинов; первосвященником с прихожанами; лозой виноградской и корнем, питающим ветви; женихом, ведущим невесту в брачные чертоги; главою над телесными членами; судьей над живыми и мертвыми ответчиками.

Таким образом, жанр надгробного слова в творчестве Георгия Конисского сохраняет в себе все основные приметы полноценной храмовой проповеди, которой предшествует чтение Евангелия (в данном случае – эпитафия из него), а основное ее содержание является развернутым комментарием к нему. Личность умершего человека, над гробом которого Георгий читает проповедь, стоит на втором плане, разговор о христианских достоинствах почившего выполняет роль лишь частной иллюстрации к более важным размышлениям о духовных закономерностях жизни и человеческого спасения. В надгробном слове Конисский создает не панегирик человеку, его благородным, но суетным и быстропроходящим заботам и свершениям, – он воспекает Христа Спасителя. Для архиепископа Георгия самым важным остается Господь Бог – Цель и Путь осмысленной человеческой жизни.

Литература:

1. Слова и речи Георгия Конисского, Архиепископа Могилевского. – Могилев-на-Днепре: Скоропечатня и Литогр. Я.Н. Подземскаго, 1892. – 469 с.